

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

СЕЛЬМА
ЛАГЕРЛЁФ

Перстень
Лёвеншёльдов

МОСКВА

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
Л14

Selma Lagerlöf
LÖWENSKÖLDSKA RINGEN
CHARLOTTE LÖWENSKÖLD
ANNA SVÄRD

Перевод со шведского
*Людмилы Брауде, Фаины Золотаревской,
Нины Беляковой*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Лагерлёф, Сельма.

Л14 Перстень Лёвеншёльдов / Сельма Лагерлёф ; [перевод со шведского Л. Брауде, Ф. Золотаревской, Н. Беляковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 704 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-206314-5

«Трилогия о Лёвеншёльдах» — эпический роман Сельмы Лагерлёф, сочетающий в себе элементы готической прозы и философской притчи.

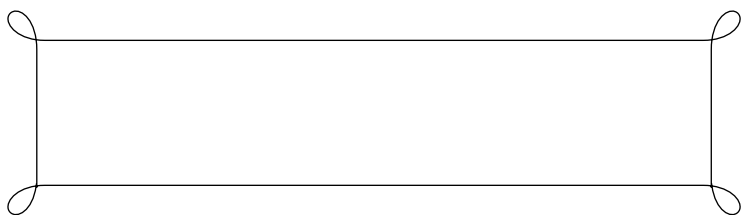
Книга рассказывает о судьбе семьи Лёвеншёльдов, начиная с легендарного Патрика Лёвеншёльда, получившего имение за героические заслуги, и описывает трагические и мистические события, преследующие его потомков.

В «Трилогии» Сельма Лагерлёф исследует темы проклятья, последствий человеческих поступков, мастерски переплетая реальность с фольклорными мистическими элементами.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-206314-5

© Л. Брауде, перевод на русский язык.
Наследники, 2025
© Ф. Золотаревская, перевод на русский язык.
Наследники, 2025
© Н. Белякова, перевод на русский язык.
Наследники, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ И МИР ЕЕ ТВОРЧЕСТВА

- *Ваша излюбленная добродетель?*
- Милосердие.
- *Ваше излюбленное качество у мужчин?*
- Серьезность и глубина.
- *Ваше излюбленное качество у женщин?*
- То же самое.
- *Ваше излюбленное занятие?*
- Изучение характеров людей.
- *Что вы считаете величайшим счастьем?*
- Верить в самое себя.
- *Что вы считаете величайшим несчастьем?*
- Ранить чувства других людей.
- *Ваш любимый цвет?*
- Цвет солнечного заката.

*Из интервью Сельмы Лагерлёф
(1890-е гг.)*

Поразительно сложилась судьба замечательной шведской писательницы Сельмы Оттилии Лувисы Лагерлёф (1858–1940), самой знаменитой женщины Швеции конца XIX — начала XX века. Она прожила восемьдесят два года, из них пятьдесят отдала творчеству. Лагерлёф стала

автором двадцати семи крупных произведений. И любая из самых знаменитых ее книг могла бы обессмертить ее имя. В молодости Лагерлёф создала уникальный в своем роде роман — «Сага о Йёсте Берлинге» (1881–1891). В годы зрелости — замечательную сказочную эпопею «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями по Швеции» (1906–1907). В старости — трилогию о Лёвеншёльдах: романы «Перстень Лёвеншёльдов» (1925), «Шарлотта Лёвеншёльд» (1925) и «Анна Сврд» (1928). Перу Лагерлёф принадлежат также многочисленные повести, новеллы, предания, литературные сказки, эссе и т. д.

Уже «Сага о Йёсте Берлинге» и «Удивительное путешествие Нильса...» (в дальнейшем мы будем его так называть) принесли писательнице славу. В 1907 году она стала почетным доктором Упсальского университета¹, в 1909 году — лауреатом Нобелевской премии, а в 1914 году — одним из восемнадцати «бессмертных» — одним из восемнадцати членов Шведской академии.

Пятидесятилетие сказочницы отмечалось в 1908 году в Швеции как народный праздник. Ее буквально засыпали цветами и подношениями.

Куда девались все цветы?
Кто разорил оранжереи?
Во всей стране не сыщешь ты
Ни лилии, ни орхидеи, —

писал анонимный автор стихотворения, напечатанного в одной из шведских газет.

Любопытно, что вокруг имени Лагерлёф уже в начале XX века начала складываться легенда. Ее называли самой счастливой женщиной в мире. Ее жизнь сравнивали с триумфальным шествием. Были и попытки превратить

---

¹ В описываемое в романе время Упсала была крупным университетским и научным центром Швеции.

писательницу в простую добрую сказочницу с общепринятым христианским образом мыслей. «И эти попытки нанесли ей вред значительно больший, нежели критическое доброжелательство. Из нее хотели сделать гипсовый бюст», — писал Н. Афселиус. «Горечь и отрицание ей абсолютно чужды», — сказал о писательнице шведский литературовед Ф. Бёек. Между тем даже «Сага о Йёсте Берлинге» — тот же Афселиус называл ее «самой примечательной книгой дебютантки», которая когда-либо издавалась в Швеции, — пробудив интерес и восторг одних, вызвала сопротивление других.

Многие критики, единодушно признавая своеобразие историй, включенных в роман, сомневались в их правдивости. Известный критик литературы К. Варбург писал, что книга эта — «неудавшееся попури из фантастических мечтаний, талантливых, подчас почти гениальных описаний, с одной стороны, неестественностей в действии, в стиле и ужасающей наивности — с другой».

Трудная судьба выпала и на долю книги «Удивительное путешествие Нильса...». Тем не менее отзывы на нее также развенчивают миф о Лагерлёф — миф о безобидной и доброй сказочнице.

«Удивительное путешествие Нильса...» подверглось мелочной критике за избыток фантастического. Многих раздражал язык Лагерлёф, его зачастую разговорная форма.

Однако книга выдержала и более серьезные претензии. Первый том книги вызвал резкие нападки зоологов и орнитологов. Специалисты в разных отраслях науки и патриоты отдельных шведских провинций осыпали писательницу упреками. Как же! Ведь ей не удалось описания Смоланда, Вестеръётланда и Халланда! Ведь она забыла озеро Венерн и город Гётеборг! Даже в 1954 году шведский географ Г. Йонссон обвинил «Удивительное путешествие Нильса...» в «весьма слабом контакте с научным исследованием» и в необычайной наивности с точки зрения географической.

Особенно враждебно встретили книгу официальные церковники, реакционные педагоги и так называемые «патриоты Смоланда». Церковник Габриельссон напал на «Удивительное путешествие Нильса...» за то, что оно написано «без цели и без плана». Ужасным нашел он рассказ о Боге и святом Петре, рассказ, где «грешный человек был посажен рядом с Богом». И безапелляционно решил: «Книги Сельмы Лагерлёф не следует рекомендовать для чтения детям». Церковник У. Пфафф, собрав школьный совет, доложил: «Некая учительница младшего отделения народной школы позволила себе читать детям вслух из этой книги, которую следует заклеймить как вредную и пагубную».

Епископ Эклунд из Карлстада объявил: «Популярность Сельмы Лагерлёф можно расценивать как деградацию педагогов вообще и шведских читателей в частности».

Х. Берг усмотрел в книге лишь «странное смешение историй о домовых и описаний ландшафта»: «Будь у меня власть, а желание у меня есть, “Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона” ни одного дня не использовалось бы как учебник, прежде чем “Сказка о Смоланде” не была бы удалена из этой работы либо не была бы полностью переработана». Многие консервативные школьные деятели были возмущены тем, что Лагерлёф нарисовала Смоланд бедным и убогим.

С годами, по мере того как творчество Лагерлёф подвергалось тщательному изучению в трудах Г. Альстрёма, Э. Лаггеррота, Н. Афселиуса, В. Эдстрёма и других шведских исследователей, в стране сложилась объективная оценка творчества писательницы. В Германии замечательный талант Лагерлёф высоко оценил Томас Манн, написав: «Лагерлёф — подлинная и великая рассказчица с эпическими первозданными инстинктами, несомненная личность».

Книги Лагерлёф, как и многих других скандинавских авторов, стали известны в России в самом начале XX ве-

ка. Это было связано, как отмечал и известный русский критик Ю. Веселовский, с возросшей ролью скандинавской и особенно норвежской литературы во всем мире¹. «Вот уже более 50 лет, — говорилось в 1909 году в журнале «Нива», — как новые викинги Ганс Андерсен, Генрик Ибсен и их собратья: датские, норвежские и шведские писатели — завоевывают все более и более широкий круг читателей»². Популярность скандинавской литературы в России была связана также с деятельностью таких замечательных переводчиков, как А. и П. Ганзен, М. Благовещенская и В. Спасская. В 1903 году критик Л. Уманец написал, что шведская литература в настоящее время — лучшая из скандинавских литератур, а Лагерлёф — одна из выдающихся шведских писателей. По его мнению, роман «Сага о Йёсте Берлинге» обладает неизъяснимой прелестью, «хотя талант Лагерлёф наиболее ярко проявляется в мелких произведениях, а не в крупных»³.

«Неясно, к какой школе она принадлежит, — заметил критик О. Петерсон. — Это талант оригинальный и яркий и притом вполне национальный и самобытный... Среда Лагерлёф проста и ясна... Искони укоренившиеся устои и традиции, тишина и неподвижность жизни, свойственные местечкам, удаленным от больших и шумных центров, создают среду, в которой долго сохраняются простота и чистота нравов». Однако Петерсон тут же делает вывод, что писательница эта весьма характерна для своего времени.

«Воспитанная в строгой школе реализма последнего периода европейской литературы вообще и скандинавской в особенности, Сельма Лагерлёф... обнаруживает большую склонность в сторону вновь нарождающегося

---

¹ Веселовский Ю. А. Литературные очерки. М., 1910. Т. 2. С. 365, 369.

² Фиорды: Художественная литературная Скандинавия // Нива. 1909. № 13. С. 260.

³ Уманец Л. Скандинавские мистики // Рус. мысль. 1903. Июль. С. 133.

романтизма. Реальной школе она, несомненно, обязана своей строгой правдивостью и верностью изображения характеров и бытовой жизни, хотя при этом она и остается совершенно чужда крайностей так называемого натурализма. Романтизм же ее литературного темперамента ясно сказывается в ее несомненном стремлении в область легенды и предания»¹.

В начале XX века Лагерлёф оставалась для русских читателей известной шведской писательницей, чьи портреты печатались во многих журналах. А подписи к этим портретам рекомендовали ее даже не столько как автора «Саги о Йёсте Берлинге», сколько романов «Чудеса Антихриста», «Иерусалим» и многочисленных новелл. Литератор К. Норов отметил в 1905 году, что имя Лагерлёф все чаще и чаще мелькает среди имен иностранных авторов, чьи произведения усердно переводятся на русский язык и столь же усердно читаются публикой. Тем не менее это казалось ему несколько странным. Ведь шведская писательница «рисует мало, кажется, понятный нам мир шведского крестьянства». Однако, пытаясь честно разобраться в причинах ее популярности, критик приходит к выводу: «Талант писательницы сумел в этом маленьком мирке найти и изобразить такие черты, которые глубоко интересуют всякого интеллигентного читателя, будь он швед, русский, поляк, немец»².

Интересна небольшая заметка «Сельма Лагерлёф и сага». Анонимный автор заметки отмечает три основных качества шведской сказочницы: необыкновенную силу воображения, дар плавного изложения и богатство чувств, любовь ко всему живущему на земле³.

---

¹ Петерсон О. Сельма Лагерлёф // К свету. СПб., 1904. С. 183, 186, 189, 201.

² Норов К. Сельма Лагерлёф и сага // Вестник литературы. 1905. № 13. С. 298–299.

³ Сельма Лагерлёф и сага // Вестник иностранной литературы. 1906. Янв. С. 283.

Книга «Удивительное путешествие Нильса...» большого впечатления, если судить по прессе того времени, не произвела. По-прежнему говорились какие-то общие фразы о том, что в романе «Сага о Йёсте Берлинге» реализм переплетается с фантастикой, что от произведений шведской писательницы веет чем-то «радостным и светлым»¹. О книге же «Удивительное путешествие Нильса...», как, впрочем, и много позднее, не говорилось ни слова или говорилось очень мало. Перевод 1908—1909 годов удостоился лишь одной рецензии В. Величкиной, рассматривавшей только географические вопросы, затронутые в книге².

Тем не менее Лагерлёф в начале XX века была одной из самых известных в России зарубежных писательниц. Именем Сельма называли новорожденных девочек. Издавались ее собрания сочинений и отдельные произведения. Публиковались они часто, к сожалению, в переводе с языка-посредника — немецкого, с неточностями, купюрами, элементами контаминации, а иногда и просто с описаниями вместо перевода.

Приходится согласиться с критиком Л. Уманцем, который еще в 1903 году писал: «Чтобы находить удовольствие в произведениях Лагерлёф, их надо читать в полном виде, без пропусков; они значительно теряют в кратких извлечениях, и самая фабула настолько фантастична, что не поддается пересказу»³.

Литературный талант шведской писательницы рано отметил М. Горький. Сравнивая Сельму Лагерлёф с итальянской писательницей Грацией Деледда, Горький сказал в 1910 году: «Смотрите, какие сильные перья, сильные голоса! У них можно кое-чему поучиться нашему

---

¹ Сельма Лагерлёф // Оскар Норвежский: Литературные силуэты. СПб., 2009. С. 124.

² Величкина В. Сельма Лагерлёф. Чудесное путешествие мальчика по Швеции // Современный мир. 1909. № 8.

³ Уманец Л. Скандинавские мистики. С. 135.

брату-мужику!»¹ В 1912 году С. Груздев в статье «Что читать детям рабочих», напечатанной в газете «Правда», рекомендовал им произведения шведской писательницы².

После 1917 года были опубликованы лишь самые известные произведения писательницы (в переводах со шведского языка): «Сага о Йёсте Берлинге», «Удивительное путешествие Нильса...», трилогия о Лёвеншёльдах, некоторые новеллы и литературные сказки. Правда, критика и литературоведение ограничивались лишь отдельными заметками о писательнице, в частности в 1940 году, после ее смерти, был опубликован некролог. После 1958 года, когда по призыву Всемирного совета мира народы земного шара отмечали столетие со дня рождения Лагерлёф, появились более крупные работы о ней (главы книг, диссертации, статьи, предисловия и т. д.), написанные В. Неустроевым, Д. Шарыпкиным, Л. Брауде.

Настоящее издание предлагает вниманию читателя произведения, завоевавшие всемирную славу: «Сагу о Йёсте Берлинге» и трилогию о Лёвеншёльдах — широкую историческую картину жизни Швеции, своего рода семейную хронику.

Сельма Оттилия Лувиса Лагерлёф родилась в 1858 году в родовой усадьбе своих родителей Морбакка. Отец ее был отставной военный, лейтенант. Мать — учительница. Величайшее влияние на развитие поэтического дарования Лагерлёф оказала среда ее детства, проведенного в одной из самых живописных областей Центральной Швеции — Вермланде, посреди плодородной, богатой и щедрой долины, окруженной гранитными лесистыми горами. Сама же Морбакка, расположенная на краю

---

¹ Цит. по ст.: *Дейч А.* Сельма Лагерлёф // Лагерлёф С. Сага о Йёсте Берлинге. М., 1958. С. 400.

² *Груздев С.* Что читать детям рабочих // Правда. 1912. 25 дек.

дороги, — одно из ярких воспоминаний детства писательницы: она не уставала описывать ее в своих произведениях, особенно в книжках «Морбакка» (1922), «Мемуары ребенка» (1930) и «Дневник» (1932).

Но больше всего она любила живших в усадьбе людей, которые в ее глазах навсегда остались сильными, мужественными и талантливыми. Лагерлёф обожала отца и впоследствии наделяла его портретными чертами своих героев и в первую очередь Йёсту Берлинга. Некоторые биографы писательницы ошибочно приписывали ему большое литературное дарование. Но тем не менее он питал сильную любовь к шведской литературе и фольклору Вермланда. Девочка была очень привязана к бабушке и тетушке Нане. Они знали множество сказок, местных преданий и родовых хроник, которые рассказывали маленькой Сельме, ее братьям и сестрам. «Я вспоминаю, что бабушка с утра до вечера сидела с нами и без конца рассказывала, а мы, дети, тихонько жались друг к другу и слушали. Вот была чудесная жизнь! Нет детей, которым бы жилось так, как нам», — писала впоследствии Лагерлёф. Вспоминая уже в старости тетушку Нану, она говорила, что в ее ушах до сих пор звучит уверенный голос рассказчицы, и она чувствует, как мороз пробегает по коже: это трепет ужаса, который бывает не только от боязни привидений, но и от предвкушения того, что произойдет.

Каких только историй не рассказывали бабушка и тетушка о минувших временах! О прекрасных дамах и кавалерах Вермланда, о злом заводчике, который водился с нечистым, о злых сороках, преследовавших хозяйку дома так настойчиво, что она боялась переступить порог, о привидениях, обитавших почти во всех усадьбах! Особенно жадно прислушивалась ко всем этим историям маленькая Сельма, которую в трехлетнем возрасте разбил паралич. С тех пор мир девочки стал очень ограниченным. Потому-то смерть бабушки-сказочницы пятилетняя Сельма восприняла как величайшую трагедию:

ей казалось, будто что-то ушло из жизни, будто захлопнулась дверь в целый мир, прекрасный заколдованный мир, и теперь не было больше никого, кто бы мог открыть эту дверь. Быть может, поэтому, поздравляя много лет спустя М. Горького с днем рождения, Лагерлёф писала: «В день пятидесятилетия М. Горького я хочу прежде всего поблагодарить писателя за изображение его бабушки, старой женщины с пышными волосами и кротким сердцем, рассказчицы прекрасных легенд, — за самый очаровательный из многих чудесных образов русских женщин, какие я встречала в мировой литературе»¹. Когда Лагерлёф читала «Детство» Горького, перед ней, несомненно, вставал образ сказочницы ее детства.

Величайшим откровением для будущей писательницы было знакомство с творчеством шведских и зарубежных поэтов и писателей — Э. Тегнера, К. М. Бельмана, Х. К. Андерсена, В. Скотта, Т. М. Рида. «Предо мной опять новый пестрый мир...» — в восторге писала она после чтения романа Скотта и посещения театра в Стокгольме, куда приехала в 1867 году лечиться в специальной больнице и где ей вернули способность двигаться.

В то время Лагерлёф уже лелеяла мысль о собственном литературном творчестве. «С семи лет мечтала я стать писательницей», — признавалась она позднее. В десять лет, наблюдая традиционный парад во дворе королевского замка в Стокгольме, она сосчитала, сколько окон в этом замке. Может статься, когда-нибудь она напишет роман о королевском замке! Но начала девочка с поэтических опытов, со стихотворений «на случай», со сказочных пьес, баллад, произведений на древнескандинавские мотивы и сонетов. «Представь себе, что ты слеп и неожиданно прозрел, что ты был нищ и быстро разбогател, что ты был отвержен и лишен друзей и нечаянно встретил большую горячую любовь! Представь себе

---

¹ Цит. по: *Горький М.* Летопись жизни и творчества. М., 1959. Вып. 3. С. 596.

сколь угодно большое счастье, и все равно больше того, чем я испытала в тот миг, пережить невозможно...» — писала Лагерлёф одному из своих почитателей о той минуте, когда открыла в себе способность писать стихи.

В автобиографической новелле «Сказка о сказке» (1908), название которой, вероятно, связано с заглавием мемуаров Андерсена «Сказка моей жизни», писательница поэтично рассказала о своих детских попытках творчества. Она исписывала огромное количество бумаги стихами, прозой, пьесами и романами. А когда не писала, ждала: кто-то очень образованный и могущественный узнает, что она написала, и найдет это достойным публикации. Любопытно, что во времена детства Лагерлёф, даже когда она писала стихи и романы, в душе ее жила сказка. Сказка, которой напоены были воздух Вермланда и усадьба Морбакка. «Сказку о сказке» она начинает словами о жившей на свете сказке, которой хотелось, чтобы ее рассказали и вывели в свет.

Но будущей писательнице надо было учиться, так как она получила только домашнее образование; надо было зарабатывать на хлеб, потому что небогатая ее семья к тому времени окончательно разорилась. В 1881 году двадцатитрехлетняя Сельма поступила в лицей в Стокгольме и подготовилась там к поступлению в Высшую учительскую семинарию. В 1882 году ее приняли в эту семинарию, а окончила она ее в 1884 году. В том же году Лагерлёф стала учительницей в школе для девочек в маленьком провинциальном городке на юге Швеции — Ландскруне. Там на одном из небольших серых домов и сейчас висит мемориальная доска; она свидетельствует о том, что в этом доме Лагерлёф писала свою знаменитую книгу «Сага о Йёсте Берлинге».

В годы учебы сказка, по ее словам, «словно бы совсем покинула ее». Однако в Ландскруне, когда она читала и перечитывала книги любимых авторов — шведского поэта К. М. Бельмана и финляндского Й. Л. Рунеберга, ей пришло в голову, что мир преданий и легенд ее род-

ного Вермланда ничуть не менее оригинален, чем мир героев этих писателей. Лагерлёф решила пересказать известные ей с детства предания о приключениях кавалеров из Вермланда. Но вначале работа двигалась медленно. А главное, не приходило вдохновение.

Когда в начале 1880-х годов Лагерлёф всерьез обратилась к литературному творчеству, в Швеции, по ее словам, было лучшее время строгой поэзии действительности. В последней четверти XIX века в стране шел бурный процесс роста промышленности и промышленных городов. Шведский город приобрел новые черты, наполнился дымом фабричных труб и звоном трамваев. Тогда впервые перед писателями встали проблемы, связанные с жизнью капиталистического города, с реалистическим описанием шведской действительности. Зарисовки Стокгольма того времени появились в творчестве крупного писателя А. Стриндберга, а вслед за ним ряд картин шведской столицы воспроизвел в своих произведениях Я. Сёдерберг. Однако уже тогда существовали художники, стремившиеся освободиться от точного, «фотографического», как они его называли, изображения действительности. Реализм сменился неоромантическим направлением, отмеченным чертами буйной фантазии и эстетизма в творчестве таких писателей, как В. фон Хейденстам и О. Левертин. В произведениях этих художников воспевались жизнь дворянских усадеб, патриархальная старина, шведская помещицья и крестьянская культура, которая постепенно исчезала в процессе развития промышленности. Но был в их творчестве и элемент патриотический, отмеченный шведским историком И. Андерсоном. Этот патриотизм был конкретным и крепко держался родной земли и ее живых традиций¹.

Лагерлёф, к которой также относятся эти строки и которую причисляют к неоромантикам, воспевала патриархальную старину, жизнь дворянских гнезд и свой

---

¹ Андерсон И. История Швеции. М., 1951. С. 373.

любимый Вермланд. Вместе с тем первое же ее произведение «Сага о Йёсте Берлинге» — явление оригинальное и совсем не однозначное. Благодаря этой книге молодая писательница, по словам известного датского критика Г. Брандеса, «заняла видное место в шведской литературе, взяла новый самостоятельный тон». Лагерлёф восхищалась великими мастерами-реалистами эпохи и считала, что писать можно только их языком. Но когда она, считая, что романтизм мертв, пыталась писать о своих героях спокойной прозой, у нее ничего не получалось. Однажды она все-таки написала иначе, в романтической манере, ритмической прозой со множеством восклицаний. *И почувствовала, что к ней пришло вдохновение!* Потом писательница уже не боялась быть самой собой, и тогда начало рождаться великолепное произведение — «Сага о Йёсте Берлинге». В 1885 году умер отец Лагерлёф, а три года спустя была продана за долги Морбакка; молодая учительница еще интенсивней взялась за работу, желая написать книгу и спасти то, что еще осталось от любимого дома: «драгоценные старые истории, веселый покой беззаботных дней и прекрасный ландшафт».

Весной 1890 года газета «Идун» объявила конкурс на произведение, которое усилило бы интерес читателей к газете и придало бы ей большую солидность. Лагерлёф решила принять участие в конкурсе. В августе 1890 года она отослала пять глав книги «Сага о Йёсте Берлинге» в газету «Идун». И случилось чудо! Молодая скромная учительница получила первую премию. Жюри выразило ей «признание по поводу необычайной художественности этого произведения, которое оставило далеко позади не только всех других участников конкурса, но и большинство из того, что давным-давно могла предложить наша отечественная литература». Получив премию, писательница оставила службу в школе. Теперь она могла спокойно заняться творческой работой. Прожив пять месяцев у друзей, Лагерлёф закончила книгу, изданную в 1891 году. Признание пришло совсем из другой стра-

ны. Брандес, рецензируя перевод книги, появившийся в 1893 году в Дании, с похвалой отозвался о замечательном своеобразии ее сюжета и оригинальности способа изложения.

Зимой 1929 года в беседе с Томасом Манном Лагерлёф подтвердила, что первоначально не предназначала эту свою книгу для печати. «Я писала ее, — рассказывала она, — для моих маленьких племянниц и племянников. Это было своего рода развлечение. Я думала, что книга заставит их смеяться». Однако «Сага о Йёсте Берлинге» стала одной из знаменитейших книг конца XIX века. Роман состоит из тридцати шести неравноценных по своей художественной силе глав и вступления (из двух частей). Почти каждая из глав является как бы мини-романом, самостоятельной новеллой, глубоко содержательной, написанной в особом стиле, в своем собственном ключе. Это, скорее всего, собрание народных преданий и легенд Вермланда. Двойственность Лагерлёф, преклонявшейся перед современными ей «реалистами» с их благоговейным отношением к природе и вместе с тем отдававшей дань романтическому стилю, ощущается во всей книге. Сохраняя реальные, естественные особенности прекрасной природы Вермланда — озер, гор, долин и рек, писательница одушевляет и персонифицирует их. Равнина разговаривает с горами, иногда жалуется и даже перебранивается с ними. Гребни волн Лагерлёф сравнивает с белокурыми кудрявыми головами, она наделяет их настойчивостью людей, а солнечный луч — хитростью. Пчелы и птицы тоже разговаривают, озабоченно пекутся о своих и чужих делах. Лагерлёф поэтизирует живой мир, не сохраняя, впрочем, никаких иллюзий у читателя относительно его суровости. Так, медведя, которому сладко спалось в его берлоге, она сравнивает со спящей принцессой из сказки. Ее разбудит любовь, а его — весна. Но Лагерлёф тут же безжалостно правдиво разрушает созданную ею идиллическую картину, дав понять, что, когда медведь спит, на него может обрушиться це-

лый град дроби. Как и Андерсен, Лагерлёф заставляет жить, говорить и думать не только явления природы, но и различные предметы. Старые сани и кареты в сарае вспоминают веселые поездки, которые они совершали в дни юности. Молоты в темных кузницах презрительно улыбаются, а пюпитры в конторе корчатся от смеха. Лагерлёф одушевляет и сложные сооружения, и технические конструкции своего времени. Шхуны и паромы, гавани и шлюзы в ее книге удивляются и спрашивают, не привезут ли железо из Экебю? А шахты разевают свои широкие пасти и громко хохочут.

Отказавшись от точного копирования действительности и природы, Лагерлёф отдала дань фантазии, сказочности и обратилась к прошлому. Она создала мир, полный празднеств, романтики и красочных приключений. Многие из глав, построенные на легендах Верм-ланда, изобилуют порождениями народной фантазии («Рождественская ночь», «Доврская ведьма»). Вот злой заводчик Синтрам. Он иногда является людям в образе нечистого с рогами и хвостом, лошадиными копытами и косматым телом. Имя Синтрама — синоним зла. Он превращает старую долголетнюю дружбу во вражду. Вот доврская ведьма. Несмотря на свое богатство, она не гнушается просить подавание у бедняков. Она приносит мор, она распоряжается силами природы. Ей нельзя ни в чем отказать, иначе будет беда. Эти злобные существа играют судьбами людей. Синтрам добивается изгнания майорши из Экебю, которая приносит добро всей округе. Доврская ведьма насылет тучи сорок на графиню Мэрту. Причем, описывая все эти фантастические сказочные ситуации, смысл которых, как в народных сказках, — борьба добра со злом, Лагерлёф не лишает их черт достоверности. О доврской ведьме она, например, говорит, что видела ее собственными глазами. Как и у Андерсена, голос Лагерлёф часто звучит в повествовании, выражая гнев, ненависть, одобрение, радость, иронию и юмор.

Многие главы книги — жизнеописания главных героев старинных вермландских преданий, двенадцати кавалеров, обитающих в усадьбе майорши из Экебю. Кавалеры эти — и кузен Кристофер, и музыкант Лильекруна, и патрон Юлиус — сильные и мужественные люди, люди без денег и без забот, веселые странствующие рыцари, герои многочисленных приключений, кавалеры до мозга костей. Они — не то что окружающие их туго набитые денежные мешки, сонные владельцы имений или злые стяжатели. У кавалеров нет никаких обязательств в жизни, нет уз, связывающих их с близкими людьми. Их привлекает лишь неотразимое многообразие жизни, ее сладость, ее горечь, ее богатство. Они — сложны и противоречивы. Рыцари и кавалеры — они в то же время могут совершить подлость, они — чума всей округи. Самый прекрасный и вдохновенный из кавалеров — герой книги Йёста Берлинг, отрешенный от сана и должности пастор. Йёста еще более сложен и противоречив, чем другие кавалеры. Он вдохновенно вещает слово Божье — и пропивает мешок с мукой, принадлежавший нищему ребенку. Он едет, чтобы привезти другу невесту, — и сам влюбляется в нее. Йёста — бесстрашен, он не боится ни волков, ни медведей, но на охоте не может поднять руку на затравленного медведя с горы Гурлита. Мужественно борется он с волнами восставшей реки, грозящей разбить плотину, но появление одной из его возлюбленных, Элисабет, отвлекает его. Йёста полон огня и жизни, он заражает всех весельем, никогда не чувствует ни холода, ни усталости. Он любит жизнь, но находит силы приговорить самого себя к смерти в сугробе за то, что обездолил голодного ребенка, и, если бы Йёсту не спасла майорша из Экебю, он бы замерз. Но он снова находит силы жить.

Под статью благородным кавалерам прекрасные вермландские дамы — графиня Элисабет, Эбба Дона, Марианна Синклер и Маргарета Сельсинг — «майорша из Экебю». Это им, женщинам минувших лет, поет гимн, поэтизируя их, Лагерлёф.